

Конструирование идентичности: возможности и ограничения

Дебаты о нации протекают в режиме не диалога, а конкуренции за монопольное влияние | **ОЛЬГА МАЛИНОВА**

Начну с выражения солидарности с тезисом Алексея Миллера о значимости националистического дискурса и о необходимости в нем участвовать. Слова многое определяют. В русском языке понятие «национализм» имеет негативную окраску, оно связывается с «национальным эгоизмом», «возвеличиванием» одной нации в ущерб другим, ксенофобией и прочими разрушительными для многоэтничного и многоконфессионального государства устремлениями¹, которые «приличным людям» разделять зазорно. Те, кто считает себя таковыми, порой пытаются опровергать монополию «националистов» на «патриотизм» и право говорить от имени «нации». Но смысловые барьеры слишком основательны, чтобы мог получиться диалог; скорее имеет место неравная конкуренция претензий на влияние. Рискну поэтому предположить, что приглашение в «националистический дискурс» не всеми будет встречено адекватно. Учитывая инерцию смыслов, возможно, целесообразнее было бы вслед за Майклом Кеннеди и Роналдом Суни различать «национализм» и «более универсальный дискурс о нации»². Участниками такого дискурса являются все, кто мыслит категориями нации,

национальной идентичности, национальных интересов и т. д., определяя и переопределяя их³. Разумеется, грань между теми, кто «просто» участвует в дискурсе о нации, и теми, кто выдвигает националистические программы (то есть требования, направленные на обеспечение существования и процветания сообщества, которое считается нацией), весьма условна, поскольку стремление утвердить определенную интерпретацию национальной идентичности и национальных интересов нередко оказывается частью борьбы за вполне конкретные культурные и политические «права». Однако при всей своей условности эта грань позволяет освободиться от негативных коннотаций «национализма» и, не тратя сил на полемику по поводу того, как «правильнее» использовать слова, обозначить некое смысловое пространство, где возможен диалог разных интерпретаций.

Итак, я полностью разделяю тезис Миллера о том, что в дебатах о нации участвовать надо, и хотела бы поделиться некоторыми соображениями о тех возможностях и ограничениях, которые здесь возникают.

Будучи одним из ключевых социальных идентификаторов в современном мире, «нация» оказывается предметом *политическо-*

го определения и переопределения, то есть продуктом соперничества разных представлений о том, какого рода сообщество следует считать нацией, на основании каких критериев надлежит определять принадлежность к ней, каковы ее «законные» интересы и т. п. Такое соперничество представлений является существенной частью борьбы за власть, влияние и поддержку. Причем конкурирующие интерпретации сосуществуют друг с другом, внося лепту в общий репертуар смыслов, циркулирующих в данном дискурсе. «Нация» действительно оказывается не столько *понятием*, допускающим строгое определение, сколько *символом*, мобилизационный потенциал которого определяется возможностями вариативного использования этого репертуара⁴. Соотношение между интерпретациями, соперничающими в конкретном дискурсе о нации, может быть разным. То, что представляют в качестве «граж-

дам, утратили статус «единственно верных» доктрин, но связанные с ними смыслы остаются весьма влиятельной частью репертуара этого дискурса. Имеет место острая символическая борьба вокруг старых (самоидентификация по отношению к «Европе» и «Западу») и новых проблем (изменение статуса в мире, выстраивание «постсоветского пространства», миграция, появление значительной русской диаспоры и др.). При этом дебаты о нации протекают в форме противостояния множества разных проектов «нациестроительства»⁵, не ориентированных на поиск компромисса, что, видимо, можно считать устойчивой чертой российской политической культуры.

Возникает ряд вопросов: чем определяются шансы в этой борьбе? При каких условиях тот или иной проект смог бы стать доминирующим? Действительно ли, как утверждает Валерий Тишков, проблема национальной

“То, что представляют в качестве «гражданской» или «этнической» модели нации, правильнее рассматривать как преобладание определенной интерпретации”.

данской» или «этнической» модели нации, правильнее рассматривать как преобладание определенной интерпретации, которое никогда нельзя считать «полным и окончательным».

Особенность дискуссий о нации в России состоит в том, что у нас, как пишет Миллер, их предметом одновременно является «слишком много ключевых вопросов», а при этом отсутствует консенсус «по широкому кругу базовых оснований» (см. с. 10), то есть слишком мало позиций, по которым сложилось согласие, точнее, в отношении которых определенные интерпретации утвердились в качестве доминирующих. Такое состояние дискурса о нации — наследие нашей истории. Представления, внедренные благодаря советским идеологическим практи-

идентичности «заключается в признании, которое начинается с акта речи»⁶ и проблема только в том, чтобы приучить сограждан «правильно называть» то, что уже есть? Каковы пределы целенаправленного влияния на дискурсы, в рамках которых конструируется национальная идентичность?

Усилия тех, кто пытается изменить такие дискурсы, сталкиваются по крайней мере с тремя группами ограничений.

Во-первых, это — наследие уже сложившихся социальных институтов: оставшееся от советской национальной политики национально-территориальное деление, побуждающее считать территорию «национальной собственностью», зафиксированные в праве категории идентификации (связанные прежде всего с правовым статусом лично-

сти, закрепленным законами о гражданстве, о правовом положении иностранных граждан и т. п.) и др. Изменение институтов возможно, однако оно связано с издержками, которые не всегда приемлемы. Это хорошо показал Миллер, анализируя недавний опыт укрупнения регионов⁷. Очевидно, что «преодоление наследия советской институционализации этничности» и замена его защитой прав меньшинств, о которой он пишет, потребуют времени и целенаправленных усилий, возможных лишь при наличии кон-

годах проект «российской гражданской нации» — максимально включающий (*inclusive*), в отличие от идеи «русской нации», которая опирается на этничность (в свою очередь, определяемую «по происхождению» или «по культуре»). Однако за словами стоит инерция смыслов, мешающая произвести «политкорректную» замену. Можно сказать «Российское государство» и «российская история», но язык, литература, культура все равно остаются «русскими», сигнализируя о невозможности перенести все смыс-

“Фрагментация «общественности» делает маловероятным достижение согласия в отношении тех или иных интерпретаций национальной идентичности”.

сенса политических элит. Таким образом, дебаты о нации сами по себе эту проблему не решат, но могут стимулировать движение к такого рода консенсусу. (Впрочем, и риск движения в противоположном направлении, к углублению разногласий тоже существует.)

Во-вторых, есть ограничения, связанные с уже сложившимися репертуарами смыслов. Категории, в которых люди определяют и оценивают складывающиеся ситуации, — это тоже в известном смысле объективная реальность, которую не так просто корректировать. Существует инерция в использовании слов. Далеко не всегда мы *выбираем* слова осознанно, чаще — следуем сложившимся речевым практикам. Предметом осознанной рефлексии, как правило, являются слова и смыслы, которые имеют отчетливую идеологическую «приписку» (у каждого «изма» есть свой репертуар таких «присвоенных» понятий; Впрочем, всегда имеет место и борьба за интерпретацию, и попытки приручить «чужие» слова). И речевые привычки, и идеологические барьеры создают препятствия для изменения дискурса. Хороший пример — выбор между «российским» и «русским». Казалось бы, предложенный в 1990-х

годы, связанные с атрибутами «национального», в плоскость «российского». В результате «включающая» категория может оказаться исключающей, указывая на то «российское», что нельзя назвать «русским» (см. примеры Алексея Миллера в статье, опубликованной в данном номере). Наконец, «российскому проекту» 1990-х теперь противостоят «русский проект» «Единой России»⁸, инициаторы которого стремятся, с одной стороны, дистанцироваться от политики ельцинского периода и «национального нигилизма» «либералов-западников», а с другой — «придать современной российской демократии базовую легитимность в контексте не только последних пятнадцати лет, но и последних тысячи»⁹. Думаю, мало оснований полагать, что «русский» проект окажется успешнее «российского», ибо и здесь придется иметь дело с инерцией слов. Одно дело — пытаться изменить дискурс, достраивая уже сложившиеся репертуары смыслов, другое — изобретая новые, альтернативные прежним. Первая стратегия имеет больше шансов на успех в режиме «спокойного» поступательного развития, вторая же доказала свою эффективность в условиях революционных

перемен, к которым «Единая Россия» едва ли стремится.

В-третьих, возможности утверждения того или иного дискурса в качестве доминирующего определяются устройством публичного пространства и коммуникативными возможностями говорящих. Дает ли нынешнее состояние российской публичной сферы основание рассчитывать на то, что «дебаты о нации» окажутся эффективными, т. е. приведут к формированию общественного согласия, по крайней мере, по поводу части спорных проблем, к утверждению определенных интерпретаций национальной идентичности и национальных интересов в качестве преобладающих? Боюсь, что нет. В результате политических реформ, инициированных Путиным, возникла новая конфигурация публичного пространства¹⁰. Сложилась «главная» публичная сфера, представленная наиболее массовыми каналами коммуникации (прежде всего телевидением¹¹), в которой доминирует официальный дискурс. Доступ в нее имеют далеко не все политические акторы. Однако наряду с «главной» публичной сферой возникает множество *других*, маргинальных, сфер, которые объединяют группы единомышленников, не обладая при этом доступом к основным каналам трансляции мнений. Важной особенностью российского публичного пространства является почти полное отсутствие диалога между этими маргинальными сферами. Такая структура коммуникаций способствует фрагментации «общественности», то есть той части общества, которая готова активно либо пассивно участвовать в публичном обсуждении социально значимых проблем. А это, в свою очередь, делает маловероятным достижение согласия в отношении тех или иных интерпретаций национальной идентичности и национальных интересов.

Шансы навязать такое согласие через официальный дискурс, доминирующий в «глав-

ной» публичной сфере, невелики. Не только потому, что для установления монополии нужны репрессивные меры, решаться на которые вряд ли разумно. Но и потому, что у нынешней российской власти нет доктринальной «всеохватывающей» идеологии, которая могла бы стать основой для такого рода проекта. Нет и полного согласия элиты в отношении тех «ограниченных» (*thin*)¹² идеологических проектов, которые рождаются в стенах кремлевской администрации. Впрочем, возможности утверждения «правильной точки зрения» с помощью властных ресурсов вообще не стоит преувеличивать (в этом я согласна с Эмилем Паиным): политические запреты способствуют «двоумыслию», а «официальная точка зрения» нередко внушает недоверие.

Однако и возможности достичь согласия, обращаясь к «альтернативным» публичным сферам, невелики, причем не только в силу ограниченности доступных каналов коммуникации, но и из-за того, как происходит сама коммуникация. Дебаты о нации протекают в режиме не диалога, а конкуренции за монопольное влияние. Стороны стремятся утвердить свою точку зрения, мало заботясь о достижении согласия с оппонентами. Неудивительно, что основной технологией, практикуемой в разных частях политического спектра, оказывается исключение¹³. Таким образом, фрагментация «общественности» обуславливается не только ограничением доступа к массовым каналам коммуникации, но и преобладающими дискурсивными стратегиями.

Исходя из сказанного, едва ли можно рассчитывать на быстрое достижение согласия по спорным вопросам. Это не означает, что данное предприятие абсолютно безнадежно. Я убеждена, что в дебатах о нации участвовать надо. Но при этом важно учитывать обозначенные выше ограничения — не только для того, чтобы осознавать границы возмож-

ного, но и с тем, чтобы находить способы их раздвигать, стимулируя диалог, выстраивая «мостики» между разными коммуникативными площадками, помогая себе и другим нащупать стратегии, позволяющие шаг за шагом

целенаправленно менять институциональную среду, репертуары смыслов, конфигурации публичного пространства. Ибо все это — социальная реальность, которая создается людьми. Хотя и не отдельно взятыми. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Такое понимание термина распространено не только в общественном, но и в научном дискурсе. В качестве примера можно сослаться на статью Л. Гудкова и Б. Дубина, опубликованную в журнале «*Pro et Contra*» (2005. Т. 10. № 2). Примечательно, что, определяя национализм как «систему идей, содержащую апелляцию к “интересам” национального целого» (со ссылкой на «западную специальную литературу»), к числу его идеологов авторы статьи относят исключительно тех, за кем соответствующая репутация закрепилась в том понимании национализма, которое сложилось в России (Гудков Л., Дубин Б. Своеобразие русского национализма // *Pro et Contra*. 2005. № 2. С. 6, 10). Таким образом, объектами их анализа оказываются преимущественно консервативно-традиционалистские версии доктрин о национальном «общем прошлом» и «общем будущем», чем и предопределяется вывод: «в отличие от “классических” версий национализма русский национализм не содержит модернизационной программы развития страны» (с. 8). Однако среди тех, кто развивал политические программы, «апеллируя к “интересам” национального целого» (попутно определяя и само «целое», и его «интересы»), были не только «националисты» в российском понимании — и это обстоятельство стоит учитывать, выстраивая генеалогию современных дискурсов. Подробнее о соперничестве разных интерпретаций «идеи нации» в прошлом см.: Малинова О.Ю. Образы «Запада» и модели русской идентичности в дискуссиях середины XIX в. // *Космополис*. 2005. № 2. С. 38–59; Она же. Национальная самобытность и прогресс: Интерпретации «идеи нации» в пореформенной России // *Космополис*. 2005. № 4. С. 59–83.

² В предисловии к книге, посвященной роли интеллектуалов в артикуляции нации, Майкл Кеннеди и Роналд Суни подчеркивали, что представители рассматриваемой ими группы были «творцами не только национализмов, но и более

универсального дискурса о нации, того языка и универсума смыслов, в котором оказываются возможны нации» (Kennedy M. D., Suny R. G. Introduction // *Intellectuals and the Articulation of Nation* / R. G. Suny, M. D. Kennedy (eds). Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1999. P. 3).

³ См.: Миллер А.И. О дискурсивной природе национализмов // *Pro et Contra*. 1997. Т. 2. № 4. С. 141–152.

⁴ По этой причине использование понятия «нация» в качестве инструмента научного анализа действительно затруднено, ибо, определяя его, мы поневоле разделяем одну из конкурирующих интерпретаций. Например, Э. Паин в статье, опубликованной в этом номере, противопоставляет понятия «нация» и «империя», рассматривая их как «полоса дихотомии, которая обозначает один из основных векторов исторического развития государства и общества». Однако указанная дихотомия — не только научная аналитическая конструкция, но и один из элементов метанарратива Современности опирающегося на систему бинарных классификаций, в рамках которой различия интерпретируются с точки зрения превосходства одного из полюсов (см.: Dean K. Introduction // *Politics and the Ends of Identity* / K. Dean (ed.). Aldershot etc.: Ashgate, 1997. P. 26–29).

Соответственно, «нация» — это по определению хорошо, а «империя» — плохо. Представляется, что такой ценностно отягощенный инструментарий не может не сказываться на точности анализа. Тем более что в качестве идеально-типических понятий «нация» и «империя» схватывают лишь некоторые стороны социальной реальности. Их противопоставление возможно в рамках определенной оптики, позволяющей «забывать» о том обстоятельстве, что большинство европейских государств, в которых принято видеть классические образцы наций-государств, в эпоху своего расцвета в действительности были империями. Как пишет британский социолог Сильвия Уолби,

«на самом деле нация-государство — это очень редкая социально-политическая форма, даже в современную эру. Нации-государства могли иметь широкое распространение в качестве воображаемых сообществ или желаемых идеалов, но их существование в качестве реальной социальной и политической практики сильно преувеличено» (*Walby S. The Myth of Nation-State: Theorizing Society and Politics in a Global Era // Sociology. 2003. Vol. 37. No. 3. P. 529*). Больше того, именно в ядрах империй и происходило формирование наиболее крупных из современных наций. Конечно, идеально-типическую пару «империя»/«нация» можно использовать для нормативного анализа, сопоставляющего действительность с «желаемым идеалом», однако, применяя его для описания, мы получаем слишком грубую и неточную картину.

⁵ Отсылки к конкурирующим проектам национальной и государственной идентичности см. в статьях Э. Паина и А. Миллера, опубликованных в этом номере.

⁶ Позиция В. Тишкова изложена во множестве его публикаций, к ней апеллируют и авторы статей, представленных в данном номере. Прочитанная нами фраза взята из: *Тишков В. А. Самоопределение российской нации // Международные процессы. 2005. Т. 3. № 2 (http://www.intertrends.ru/seven/002.htm)*.

Э. Паин несколько заостряет позицию своего оппонента, утверждая, что «Тишков... полагает, что достаточно назвать население России нацией — и само это определение породит нацию». Насколько я понимаю, Тишков не сводит проблему к «информационному манипулированию»: он всячески подчеркивает, что в России есть гражданская общность, созданная всей нашей предыдущей историей, и есть основания, чтобы называть ее нацией (в этом отношении его оценки расходятся с теми, которые дает в своей статье Паин). Проблема в том, как побудить население России осознать это обстоятельство и отучить его использовать слова «нация», «национальность» и пр. в значениях, утвердившихся за ними в годы советской власти.

⁷ См. также текст публичной лекции А. Миллера, прочитанной 12 апреля 2007 г. в клубе

«Билингва» (<http://www.polit.ru/lectures/2007/04/19/nacija.html>).

⁸ См.: <http://www.edinros.ru/news.html?id=116311>. Любопытно, что заставку, анонсировавшую «Русский проект», на первой странице партийного сайта недавно сменил слоган «Толерантность — одна из основ нашей политики».

⁹ *Исаев А. «Единая Россия» — партия русской политической культуры. М.: Европа, 2006. С. 5.*

¹⁰ Этим термином мы обозначаем виртуальное пространство, в котором в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности. Публичная сфера может быть локализована в различных институтах и сочетать в себе разные форматы общения — как «живые», так и опосредованные письменными текстами. Она конституируется множеством частично пересекающихся «публик», границы которых меняются во времени, пространстве, а также в зависимости от характера обсуждаемых тем. Подробнее см.: *Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // Полис. 2007. № 1. С. 6–21.*

¹¹ См.: *Фоссато Ф. Виртуальная политика и российское ТВ // Pro et Contra. 2006. Т. 10. № 4. С. 13–28.*

¹² Различение «полных» (*full*) и «ограниченных» (*thin*) идеологий предложено Майклом Фриденом. Первые содержат полный спектр юристских решений «по всем вопросам», выстраивают «мировоззрение»; вторые уходят от широкой идеологической повестки дня, произвольно тасуя концепты и нередко оказываясь частью более широкой идеологии. Классическим примером «ограниченных» идеологий является национализм. См.: *Freedon M. Editorial: Political Ideology at Century's End // J. of Political Ideologies. 2000. Vol. 5. No. 1. P. 14.*

¹³ Это хорошо показано в уже упоминавшейся публичной лекции А. Миллера (<http://www.polit.ru/lectures/2007/04/19/nacija.html>).